

Главное, что гнев прошёл. Сколько бы ядовитых взглядов ни бросал Цзи Жань, Лу Чжэнь с готовностью их принимал, заодно пользуясь моментом, чтобы приобнять и потискать супруга.

Пока они украдкой предавались нежностям, рыдания принцессы Юйнин наконец стихли, превратившись в тихие всхлипывания. Она ещё долго сидела на коленях, обнимая табличку, прежде чем с трудом подняться на ноги.

— Эту табличку Лу Чжэня я забираю с собой, — повернувшись к Цзи Жаню, принцесса высокомерно вскинула подбородок. Даже с глазами, опухшими от слёз, и охрипшим голосом, она звучала непререкаемо.

Цзи Жань не ожидал такого требования и, не задумываясь, выпалил:

— Нет.

Лицо принцессы исказилось, а взгляд стал опасным.

— Ваше высочество, вы не имеете к Лу Чжэню никакого отношения. Требовать его поминальную табличку — неуместно, — когда дело коснулось прав на табличку, Цзи Жань перестал робеть перед её статусом и холодно встретил её взгляд. — Более того, Лу Чжэнь родился здесь и здесь же обрёл покой. Забрав табличку, вы обречёте его дух на скитания без пристанища. Вы ведь знаете, как он погиб? Неужели хотите бросить тень на императора?

С самого начала принцесса не воспринимала Цзи Жаня, этого так называемого «мужа-мужчины», всерьёз и не ожидала от него подобной речи. Она запнулась, гнев застрял у неё в горле, и лицо её стало мрачным. Врождённая властность, которую она даже не пыталась сдерживать, обрушилась на Цзи Жаня полной мерой.

В отличие от прочих принцесс, что росли в дворцовой роскоши, Юйнин с малых лет, переодевшись в мужское платье, служила в армии. Теперь она была прославленной генеральшей, чья воля закалялась на полях сражений. Помимо аристократической надменности, от неё исходила тяжёлая аура крови и смерти. Обычный человек не выдержал бы такого напора.

— Я сама всё объясню брату-императору, — прошипела она. — А эту табличку я забираю. Точка.

Чёрт побери! Забирать табличку покойного — да она с ума сошла!

Лицо Цзи Жаня почернело.

— На каком основании вы забираете табличку Лу Чжэня? Только потому что вы принцесса? — его голос стал резким. — И что она вам даст? Утешение? Ха! Это всего лишь кусок дерева, а не сам Лу Чжэнь. Даже если вы её унесёте, я сделаю новую. Его корни здесь, его дух здесь. Неужели вы думаете, что из-за куска дерева он станет скитаться вслед за вами, как неприкаянная тень?

Слова Цзи Жаня были дерзкими, от злости и нетерпения. Принцесса менялась в лице, но в конце концов на губах её появилась странная усмешка.

Цзи Жаню стало не по себе от её взгляда, но, увязнув в противостоянии, он тоже замолчал. Он лишь смотрел на неё, не опуская глаз и не отступая ни на йоту. Как он сам и сказал — Лу Чжэнь не побежит за принцессой из-за таблички. В этом не было сомнений. Однако, во-первых,

говорили, что поминальная табличка связана с духом умершего, а во-вторых, чувства принцессы к Лу Чжэню были очевидны. Мысль о том, что она унесёт табличку, вызывала у него глухое раздражение.

— Именно, всего лишь табличка, — после долгой паузы принцесса вдруг презрительно фыркнула. — Так чего же ты так цепляешься? Неужели ревнуешь? Забавно. Мало того, что брак с мужчиной — нелепость, так ты ещё и влюбился в покойника? Ты хоть знаешь, как Лу Чжэнь выглядел? Был ли он полным или худым?

Цзи Жань подумал: «Если б я не знал, каков Лу Чжэнь на вид, был бы законченным болваном!»

Он собрался было парировать, но Лу Чжэнь схватил его за руку.

— Пусть заберёт табличку, если хочет. Не стоит с ней препираться, — прошептал он. — Наживёшь неприятности.

«Что за чушь? — возмутился про себя Цзи Жань. — „Пусть заберёт“? Ни за что!»

Не будь здесь третьего лица, он бы точно устроил сцену. Сейчас же он сдерживался, но внутри кипел от ярости. Лу Чжэнь ничего не понимал! Дело было не в табличке! Это был вопрос принципа! Кем она ему приходится — женой или наложницей, чтобы вот так заявлять права?

Неужели это не он проводил с ним ночи напролёт?!

Видя, как Цзи Жань зеленеет от гнева, а лицо принцессы искажается убийственной яростью, Лу Чжэнь почувствовал, как у него начинает раскалываться голова. Боясь, что Цзи Жань пострадает, он поспешил его утихомирить.

— Мы же не отдадим её насовсем, — убеждал он шёпотом. — Пусть заберёт, а я потом украду её обратно. Я знаю, тебе неприятно, но не стоит с ней связываться. Она всё-таки принцесса, умный в гору не пойдёт. Какое нам дело до других? Главное, что мы с тобой понимаем друг друга.

Слова звучали разумно, но по-настоящему Цзи Жаня убедило обещание «украсть обратно». Он глубоко вздохнул, ещё раз посмотрел на табличку в руках принцессы и, скрепя сердце, посторонился, уступая дорогу.

Принцесса удивлённо приподняла бровь — не ожидала она, что столь непримиримый соперник вдруг сдастся. Но раздумывать не стала. Высоко подняв подбородок, она сжимала табличку и широким шагом вышла из комнаты.

Её осанка и походка дышали воинской статью. Не будь она его соперницей, Цзи Жань, возможно, даже восхитился бы ею. Но сейчас он лишь злобно смотрел ей вслед, скрипя зубами.

Хотя Лу Чжэнь его и уговорил, осадок остался гадкий.

Обида переполняла Цзи Жаня. Он не стал провожать принцессу и даже не подумал об оказании каких-либо почестей. Да и на Лу Чжэня теперь смотрел с раздражением. Едва принцесса скрылась из виду, он вырвал руку из его пальцев и, хмурый, решительно зашагал прочь.

— Цзи...

— Не хочу тебя видеть! Не смей идти за мной! — сердито оборвал его Цзи Жань, даже не оборачиваясь.

Лу Чжэнь: «...Кажется, мы же всё обсудили? Почему он всё ещё злится? Говорят, женское сердце — бездонный колодец. Видимо, сердце супруга — тот же колодец, только глубже!»

Ему страстно хотелось броситься вслед за Цзи Жанем, но, взвесив всё, он всё же повернул в сторону, куда ушла принцесса. Пока табличка не вернётся, с супругом не договориться.

Выйдя из временного алтаря, Цзи Жань напрямик отправился в свои покои. Но, шагая по комнате взад-вперёд, он не мог унять внутреннее смятение. В голове так и стоял высокомерный образ принцессы, вырывающей табличку.

Чёрт! Что она себе позволяет? Разве принцессе позволено бесцеремонно забирать табличку покойного? Позорище для императорского дома! И генерал ещё! Как он, «беспольный мужлан», не владеющий боевыми искусствами, может ей противостоять? Чем больше он думал, тем горше становилось. Проклятая древность, терпеть её не могу!

Этому телу только в феврале исполнится девятнадцать. Если начать учиться боевым искусствам сейчас — успею ли? Знал бы, что окажусь здесь, освоил бы хотя бы тхэквондо или что-нибудь подобное — хоть какая-то защита!

Нет, всё равно бесит! На каком основании, чёрт возьми? Ладно, лучше пойти развеяться с ребёнком.

В последнее время Цзи Жань был очень занят, и тётушка Чэнь с другими служанками сами справлялись с малышом. Он и впрямь не навещал его уже несколько дней. Цзи Пинъаню сейчас было около полугода, и с ним стало куда интереснее, чем в первые месяцы. Крепыш был прелестным, смыслённым, и его личико с каждым днём становилось всё более правильным. Малыш почти всегда смеялся, и на него было невозможно смотреть без умиления.

Мысль о ребёнке развеяла мрачные мысли, и Цзи Жань, повеселев, тут же направился в детский двор.

Да, несмотря на свои полгода, у Цзи Пинъаня благодаря щедрости приёмного отца был собственный двор.

Цзи Жань шёл по дорожке и, ещё не зайдя во двор, услышал звонкий детский смех. Этот чистый, как родник, звук будто погасил огонь раздражения внутри него. На лице само собой появилась улыбка, и он ускорил шаг. Однако радость его испарилась в тот же миг, как только он переступил порог и увидел Сюэ Чуньтао, играющую с ребёнком.

Что эта женщина здесь делает?

Лицо Цзи Жана мгновенно потемнело. Он бросил тяжёлый взгляд на тётушку Чэнь и Цюяо, стоявших рядом.